

ЧАСТЬ ВТОРАЯ*

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Люди не представляют, где живут. Земля и земля, ее много, куда ни повернись. Если посмотреть под ноги? Всего пару десятков километров твердой почвы, а дальше — магма. Когда это наглядно представляют по ТВ, демонстрируя земшар в разрезе, понимаешь без подсказки: живем, можно сказать, на коже от яблока.

Во время бурения в долине Крафла в Исландии ученые достигли магмы. В третий раз за историю исследования недр Земли. Произошло это на глубине примерно 2,250 тысячи метров. При изучении геотермальных свойств земной коры.

«Лишь в третий раз удается достичь магмы в ходе геотермального бурения, — рассказывает участник проекта профессор Университета Калифорнии в Дэвисе Питер Шифман. — В 2005 году до магмы добились на Гавайях, а в 1977-м она появилась в другой скважине в Исландии, неподалеку от нынешнего места работ».

Так и со стихийными бедствиями. До «глаза бури» и цунами еще не «добурились», это они «добуриваются» до нас. Когда на телеэкране дают ретроспекцию, как в 2004 году волной смыло и уничтожило сто тысяч человек в Юго-Восточной Азии, вдруг осознаешь: все наши потуги с продвижением великой науки двадцать первого века — ничто в сравнении с писком комара, который способен занести в нашу коммунальную квартиру по имени Земля какой-то очередной грипп. Но ничего — здравствуем... Хорошего настроения!

Дописавшись до этой оптимистической строчки, я включил радио, чтобы послушать свое интервью с писателем-фантастом, доктором астрофизики Павлом Амнуэлем о падении Тунгусского метеорита.

«Одни свидетели утверждали, что летело продолговатое тело, похожее на бочку. По их версии, оно летело с юга, — говорил он. — Другие свидетели утверждали, что тело представляло собой яркий шар. И летело оно с востока. Ну а самое сложное в том, что те же свидетели говорили, что это тело меняло в полете направление. Это давало основание предположить, что перед нами космический корабль».

И мне вспомнилось, как я дотошно расспрашивал сибиряков обо всем этом: и тех, кому виделась искрящая бочка, и тех, кому в небе вырисовывался огненный шар. Каждый стоял на своем.

* Окончание. Начало в № 5 за 2017 год.

«Искрящая бочка!» — заверяли одни.

«Огненный шар!» — божились другие.

Тогда, в 1972-м, в пору моих хождений по таежным селам, в мозгах ничего иного не вертелось, кроме научных понятий, определенных таковыми доктором Куликом и его последователями. Вот и представлялось все «по науке»: космический гость (не важно: метеорит или корабль пришельцев) взорвался над Подкаменной Тунгусской и породил фантастические эффекты.

С этим я и жил все годы. Но сейчас, слушая наше интервью, впервые как-то по-детски подумал над произнесенными в эфир словами: с юга летела искрящая бочка, а с востока огненный шар. Меня будто вырвало из глухоты. Имеющий уши да услышит! Да и как же иначе, если в небе одновременно наблюдалось два летящих объекта. Не один, визуально изменяющийся в очертаниях, а два! Причем второе из них — огненный шар — меняло направление, правильнее сказать, маневрировало, подобно истребителю-перехватчику, чтобы точно — переходим на военный язык — поразить цель.

Зациклились мы на словах «взрыв Тунгусского метеорита» и за сто лет изысканий ни на сантиметр не подошли к разгадке тайны.

1

Только электричество, радио и телевидение определяло в ленском поселке Вишняково приметы двадцать первого века. Солнце роняло здесь лучи с неспешностью пешехода. Люди роняли здесь слова под тяжестью смысла.

— Первое правило русского аристократа. Не портить воздух в тайге. Зверь учует — скушает.

Это Тимоша Корень.

— Шестиконечные снежинки падают на головы антисемитам тысячи лет, и они ничего не могут с этим поделать. Как и отменить снегопад.

Это я.

— Оки-доки! Сплошной хронотоп! Что? Нуждаемся в переводе? Хорошо... Время — пространство на научном языке.

Это Ливик Генделист.

А кто теперь? Голос, подсказываю, женский.

— Хотите анекдот из жизни пауков?

— Ну? — выдаем заинтересованно.

— Маленькие паучата спрашивают у мамы-паучихи: «Каким был папа?» — «Вкусным!» — отвечает, облизываясь, мама-паучиха.

Это Надюша, жена Тимоши, внучка Елены Карловны Гаммер, моей однофамилицы. А вокруг за столом, где «никто у нас не лишний», в полном согласии с песней Утесова? Вокруг все мы. Рядом с портативным «магом», занесшим на кассете мой голос сюда, в сибирскую глухомань, из далекого в данный момент и от меня Иерусалима. Сiju, как нетрудно догадаться, не в студии у микрофона, а за бутылкой водки и глазею по сторонам, недоумевая, сколь быстро ныне «сокращаются большие расстояния», если следовать песенному завету Ива Монтана. Всего-навсего несколько дней назад, семнадцатого июля, запустив в эфир интервью с Павлом Амнуэлем о Тунгусском феномене, подписывал я бумаги, оформлял двухнедельный отпуск. Намыливался в Париж, а обнаружил себя в России. В таежном поселке Вишняково. В старом, но все еще крепком пятистенке о два этажа, где хозяйка этого дома Елена Карловна взяла с меня слово, что я повременю с публикацией материала о своих хождениях «по следам Тунгусского феномена» до 2009 года — 101-й годовщины со дня небывалого взрыва. И вот — 101-я годовщина есть, а Елены Карловны нет. И остается лишь помянуть ее добрым словом.

Помянули раз, помянули два. И пошло:

— А помнишь?..

— Помню!

Все-то мы помним. Но между воспоминаниями и сегодняшним днем — целая жизнь. И у меня. И у Ливика. И у Тимоши с Надюшей.

Со мной все ясно.

В 1978 году уехал в Израиль, работаю редактором и веду программу на радио «Голос Израйла» — «РЭКА», выпустил в свет тринадцать книг стихов и прозы, в сорок лет стал еще художником, а в пятьдесят три года вернулся в бокс, и по сей день являюсь бессменным чемпионом Иерусалима.

Ливик Генделист?

В удачный час приватизации приобрел «родной» танкер «Юрмала», на котором и пришел в Хайфу. Ровненько в тот вечерок, когда в эфир вышло мое интервью с Павлом Амнуэлем о Тунгусском феномене. Услышал — вспомнил — заностальгировал. Заказал по телефону авиабилеты и уговорил на езду:

— Пока судно разгружается, успеем обернуться туда-сюда. Оки-доки, ма-стер? — назвал меня по застарелой привычке капитаном на морском сленге.

— Оки-доки!

Тимоша и Надюша?

Женившись, унаследовали имущество Елены Карловны. Отреставрировали мельницу, открыли при ней ресторан «Ленский хлебосол» с рыбной закуской и целебным напитком «Самодур» — рецептура почившего в бозе дяди Кондака — и мало-помалу прогорали. Кризис разогнал туристов, охочих до экзотики. Местные же «людаки» предпочитали набираться алкогольных градусов не за крахмальными скатерками.

А Киренск, который я оставил в семидесятых? А моя газета «Ленские зори»?

Открываем «Аргументы и факты» и читаем:

23 (214), 6 июня 2001 года

СТИХИЯ УНИЧТОЖИЛА ПЕЧАТНОЕ СЛОВО

Представьте, что в одночасье в вашем городе исчезли газеты. Вы думаете, это фантастика? Нет, это реальность. Наводнение лишило жителей Киренска и Усть-Кута возможности получать свежую информацию из местных газет «Ленские зори» и «Ленские вести». Стихией уничтожены тонны газетной бумаги, из строя вышла техника, нет даже карандашей и ручек. Причиненный природой ущерб только в киренской газете «Ленские зори» оценивается в 86400 рублей. Тяжелая ситуация усугубляется еще и тем, что сильно пострадали сотрудники этих изданий. Затоплены дома, надворные постройки, дачи и огороды, а впереди суровая зима...

— Рай на самом деле предназначен для голых людей. Вспомните Адама и Еву. Стоило им прикрыть свою наготу, как их сразу же выгнали из рая. Отсюда и мораль: в раю надобно ходить голым.

Это опять Надюша.

— Обстоятельства крепчают, обстановка поучает, — опять Тимоша.

— Оки-доки! Тогда наливай, — опять Ливик.

А это кто? Стук костяшками пальцев о стекло, чтобы привлечь внимание, и в открытое окно:

— Жизнь имела на меня по поводу «наливай» другие планы.

Это?.. Нет, отнюдь не Арсений, хотя голос похож. Это Асук, сын его, как под-казала Надюша.

- Входи, паря, и тебе нальем.
- Сапоги снимать?
- Оставайся в сапогах. Дышать легче.
- Я не заради атмосферы воздуха. У меня за голенищем ваши бумаги.
- Какие?
- Научные! От Томского университета.

— Мои? — вспомнил Ливик о папке со свидетельствами очевидцев давнего взрыва над Тунгуской.

— В том сроке были ваши, а сейчас без пол-литра не разберешься.

— Мы тебе поможем разобраться.

— В таком разе лей до краев, и без промашки.

— Налито!

Низкорослый тунгус взобрался на подоконник с первой попытки, легко спрыгнул на пол и беззвучно просквозил в комнату. Он присел на раскладной диван, принявший его без всякого скрипа натруженных пружин. С некоторым усилием, явно демонстративным, стянул правый сапог, резким движением руки раскроил вшитую в голенище змейку и вытащил из потайного кармана стопку помятых листов.

— Батяня велел вернуть, как появитесь. Это те научные бумаги, что разлетелись по нашему двору, когда он...

— А сам чего? Постеснялся старых знакомых? — перебил я, чтобы лишний раз не вспоминать, как его полоумный папаша, возомнив себя шаманом, подверг ритуальным пыткам Ливика.

— Сам исчез.

— Как так — исчез?

— А так! Вспыхнул, как падающая звезда. И растаял.

— Где?

— В звезде! Непонятно, да? Или повторить?

— А ты?

— Что — я?

— Почему ты не исчез?

— Мне не по мозгам перекинуться в звездочку.

— А говорят: яблоко от яблони недалеко падает.

— Я не яблоко. У меня не получилось. А батяня... Сначала рука у него засветилась. Потом он сам... целиком, как в Библии. Помните? Потом — бац! — звездочка, и лети — не хочу.

— Ладно, не дури, — вздохнул я, устав от розыгрыша. — Будь самим собой! Только это у тебя никто не отнимет.

— Сказывай!

— Лучше так, чем превращать папашу в куст Неопалимой Купины.

— Сам видел!

— А кто еще?

— Никто еще. Я! Разве мало такое свидетельство?

— Ладно, давай бумаги.

ОТСТУПЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Из архива КМЕТ — Комитета по метеоритам АН СССР

До 1917 года Кежма была одним из мест, куда направлялись политические ссыльные. Один из ссыльных Т. Н. Науменко вместе со своим коллегой Грабовским

нанялся помогать плотникам и во время этой работы наблюдал полет Тунгусского метеорита. 21/І-36 г. в Москве был записан его рассказ. Он, в частности, сообщил: «Точно не помню, 17-го или 18-го июня 1908 г. около 8 часов утра мы с тов. Грабовским строга́ли «двуручником» доски. День на редкость был солнечный и настолько ясный, что мы не заметили ни одного облачка на горизонте; ветер не шевелился, — полнейшая тишина.

...Я сидел спиной к реке Ангаре — к югу, а Грабовский — лицом ко мне. И вот около 8 часов утра (солнце уже поднялось довольно высоко) вдруг чуть-чуть послышался отдаленнейший, еле слышный звук грома. Это заставило нас невольно оглянуться во все стороны. Звук послышался как будто из-за реки Ангары. Посему мне сразу же пришлось круто обернуться в ту сторону, куда я сидел спиной. Но до горизонта на небе вокруг нас нигде не было видно ни одной тучки. И мы, полагая, что гроза еще где-то далеко, снова принялись строгать доски. Но звук грома начал так быстро усиливаться, что мы не успели строгануть больше трех-четырёх раз. Пришлось бросить рубанок и уже не сидеть, а встать с досок, так как звук грома нам казался уже чем-то необыкновенным, поскольку туч на горизонте не было видно. При этом в момент, когда я встал с досок, среди быстро усиливающегося звука грома раздался первый, сравнительно небольшой удар. Это заставило меня быстро повернуться полуоборотом направо, то есть к юго-востоку, откуда на меня падали лучи яркого солнца. Я поднял глаза несколько вверх в направлении послышавшегося удара грома, в том именно направлении, откуда на меня смотрели лучи солнца. Это несколько затрудняло наблюдение того явления, которое показалось все же видимым для глаза в момент после первого удара грома. И я увидел, что в тайгу летела неправильной формы, еще более огненно-белая (бледнее солнца, но почти одинаковая с лучами солнца) несколько продолговатая масса в виде плотного облака, диаметром гораздо больше луны, без правильных очертаний краев.

После первого несильного удара, примерно через две-три секунды, а то и больше (часов у нас не было, но интервал был порядочный) — раздался второй, довольно сильный удар грома. Если сравнить его с грозовым ударом, то это был самый сильный, какие бывают во время грозы. После этого второго удара облака не стало видно, но хвост, вернее полоса, уже вся очутилась с левой стороны лучей солнца, перерезав их, и стала во много раз шире, чем была с правой стороны. И тут же последовал третий удар грома. Но такой сильный, как будто бы состоял из нескольких, внутри него слившихся вместе ударов. И послышался ужасный треск, вся земля задрожала, и по тайге разнеслось невероятно звучное эхо. Даже не эхо, а какой-то оглушительный сплошной гул. Казалось, что этот гул охватил всю тайгу необъятной Сибири».

Легкость, с какой Асук, сын непутевого шамана Арсения, проник в квартиру, могла вызвать подозрение. Но не у хозяев дома. К тому же, если учесть, что так ему удобнее навещать соседей, то подозрения сами собой улетучивались, подобно его папаше. Причем, как выяснилось тотчас за опрокинутой рюмкой, папаша его улетучился не из какого-то леса дремучего, а именно отсюда, из этой гостиной. Более того, с того самого места, где тогда находился в полном здравии и при трезвом уме. Где? Да на журнальном столике, притом — стоя. Находился-находился, Асук свидетель, и — бац! — зазвездился и отлетел в раскрытое окно. А оттуда — чирк по темному небу и напрямиком по направлению к Нижней Тунгуске.

Что-то в этом рассказе представлялось сказочным. Не хватало деталей. Но каких? Ощущение точно такое, как у человека, не отягощенного знаниями, когда ему сказать, что не Солнце ходит вокруг Земли, а Земля вокруг Солнца. Поверить, что ему изменяет зрение, малосведущий человек неспособен. «Лопни мои глаза, ежели это так!» — скажет он, и будет чувствовать себя правым, пока глаза его в порядке. А лопнут, тогда и провозгласит: «Имеющий глаза да увидит!». В надежде, разумеется, на возвращение ясности сознания. А что он увидит напоследок? Свет в конце туннеля.

Предположить, что этот свет и увидел Асук, было сложно: жив-здоров, водку хлещет, закуску на вилке ко рту несет не промахиваясь.

Предположить, что его папаша превратился в огненный сполох, было еще сложнее.

Не допили!

Поэтому налегли на водочку, приохотились к закуске. И потянулись к гитаре. Вернее, не мы, а только Ливик-бард. Что с человека возьмешь? После закладки за воротник его всегда переполняет тяга к песне. Потянулся он, значит, к шести-струнке, висящей за спиной на металлическом костыле, пристроил ее на колене и задумчиво провел пальцами по струнам.

— Узнаю милую, — сказал, — это ведь та самая, что попалась мне в Проупцино, когда с дядей Кондаком хорохорились.

Тимоша Корень кивнул

— Она, старушка! Мы стареем, а она... Сносу нет! — махнул рукой.

Ностальгическое звучание, рваный, неутраченный звук. И внезапно вспомнилось: там же, на стене, выше спинки дивана, прежде висело чучело медвежьей головы.

Ливик взял первый аккорд, побарабанил пальцами по деке гитары, будто пробежал по клавиатуре рояля. И затынул:

*Над седой равниной моря
ощущенье, как в тайге.
Будто сердце на приколе,
а планета вдалеке.
Где любовь и час свиданья?
Не подскажет штурман нам.
Все здесь тайна, все здесь тайна.
А не тайна, так бедлам.
Э-эх!*

Асук мечтательно протянул:

— Влюбиться бы да жениться!

Надюша засмеялась.

— Как кролику жениться? Ведь у него нет времени на ухаживание. У кролика оно начинается прямо с секса.

— Я серьезно, — помрачнел Асук.

— Заочные предложения руки и сердца не принимаются.

— Иначе не получается. Ты же, тетя Надь, свою дочу выправила в Германию.

— Историческая родина.

— Понятно, баш на баш — не продашь! У Марленки родина, а мне на безрыбье — чего? Тетя Надь, а? Вызови дочу на побывку. Конфет ей куплю. Цветы принесу.

Глаза у Надюши повлажнели.

— Растревожил душу!

— Оки-доки! — пошлепал по грифу Ливик. — А что душа? Это темная сторона протоплазмы. Она из нутра ест.

Асук пояснил Наде:

— Это как с медведем. Поворачиваешь от него и бежишь, значица, ты — заяц. И тебя надо сожрать. А остаешься на месте и защищаешь себя, хотя бы упрямым взглядом, выходит, ты — хищный зверь, равный ему по силе. И, значица, тебя надо обойти.

— Я не зверь.

— Но и человек звучит гордо, — опять продемонстрировал свои познания Асук, обедая нас ласковым, но уже мутным взглядом.

— В особенности, — горделиво добавил Ливик, — когда пишет стихи...

Неловкая пауза, секундный сбой в отношениях, и... чтобы выправить ситуацию, я поспешил с вопросом.

— А куда подевалась медвежья морда, что висела у вас тут?

— Заместо гитары? — это Тимоша.

— Да ведь гикнулась, — это Асук.

— Заодно с Арсением, — это Надюша.

— Украл?

— Зачем украл?

Это опять Асук, но уже с возмущением в голосе.

— Я слушаю.

— Надел на голову. «Гляди, какой из меня хозяин тайги!» Тут рука у батяни и засветилась. Потом он сам... целиком, как в Библии. Потом — бац! — звездочка, и лети — не хочу.

— А свидетели кто?

— Я сам свидетель! Разе мало одного?

— Здесь не милиция, — чокнулся я с ним рюмкой.

— То-то и оно, не милиция! А то милиция искала, шила дело. А чего тут шить? Небесную звездочку к делу не пришьешь. Улетучится.

— И два камушка с ним... Из того, из мешочка, что мы держали в пасти медведя, — сказала Надюша.

— Камушки-камушки, — заворчал Асук. — Не в камушках счастье.

— Но в них приданое для нашей дочуры.

— Вашу Марленку я возьму и без приданого! А потом батяню возьму за грудки, и будут вам камушки по возврату, как из ломбарда.

— Твоими бы устами...

— А что?

— Пей водку, Асук! На мед и не зарься...

Асук последовал рекомендации. Мы последовали за Асуком.

3

— Мама думала: ребенку лучше сказать, что у него нет отца, чем его бросили. Я ведь никак не могла поверить, что у меня отроду не было отца. Маме пришлось выдумать — убит. С тем я и выросла.

Это Надюша.

— Обстоятельства крепчают, обстановка поучает. Поэтому здесь у бабушки и жила.

Это Тимоша.

— Хотите анекдот времен Тунгусского метеорита?

Это Ливик Генделист.

— Самый свежий? — сострил Асук.

— Самый популярный!

— Откуда он у тебя?

— Я все газеты времен Тунгусского метеорита поднял в архивах. Вдруг наши ученые чего пропустили?

— И?

— Психическая паника была в тот год, люди думали о конце света и кончали с собой в большом количестве.

— Это из архивов?

— Это из анекдота, самого популярного в 1908-м, как написано в газете.

— Ладно, не томи душу, валяй, — это Тимоша.

— Анекдот, название «Зигзаги». — Ливик коротким кашлем прочистил горло. — В гостинице под утро посетитель спрашивает: «Номер есть?» — «А где ваши вещи, сударь?» — «Я просто засиделся в клубе, а живу на даче». — «Номер найдется, а как насчет револьвера: свой при себе есть, или наш прикажете подать?»

— Ха-ха, хи-хи! — скорчил мордашку Асук. — И ничего смешного!

И тут случилось нечто неожиданное, причем настолько, что наша пьяная братия, если следовать литературному стилю времен недавнего анекдота, потеряла дар речи.

Через открытое окно, скользнув по поверхности подоконника, в комнату тихо прокралась шаровая молния, сантиметров пять в диаметре. Опустилась к полу и пошла вдоль дивана, заставив Тимошу и Ливика поднять ноги. Обогнула кресло с Надюшей, завернула к моему стулу.

Я приложил палец ко рту, чтобы предупредить какие-либо возгласы. Мне почему-то почудилось, что криком можно спугнуть незваную гостью и она — к малой радости для хмельных компанейцев — рванет в полное свое удовольствие.

Ясно и придурку, нам такой фейерверк не нужен, но — удивительное дело — и загадочной гостье тоже. Шаровая молния проплыла между ножек моего стула и по прямой подкатила к приходящему в чувство Асуку. Мелко шипя, потянулась от сапог вверх по одежде. И остановилась у зажатой в руке бутылки, будто обнюхивая горлышко. Надышалась и — совсем сказка! — покачиваясь с боку на бок, будто глотнула грамммульку сорокаградусной, потащилась к запахнутому окну. Осторожно взобралась на подоконник, пошатнулась, скользнула вниз, но удержалась на стене и опять, с настойчивостью нетрезвого человека, устремилась по намеченному загодя курсу — к окну.

— Эх, упустил! — вякнул Асук.

— Чего тебе, мало? — Тимоша постучал себя пальцем по лбу, с облегчением наблюдая, как шаровая молния перебралась через подоконник, чтобы двинуться дальше по ведомому только ей назначению.

— Так это мой батяня! Его звездочка!

— Совсем звезданулся, — проворчал Ливик.

— Не я звезданулся, а батяня! Не упускайте его, а то уйдет, и опять баш на баш — не продашь, алименты маманьке никто платить не будет.

— Алименты! — излишне громко засмеялась Надюша, справившись с перешитым потрясением. — А что? Причина уважительная.

— Не упускайте его, уйдет — не найдем в тайге после!

— Предлагаю устроить охоту на шаровую молнию, — пошутил я.

— Оки-доки! — сказал Ливик.

Его пальцы машинально пробежали по струнам:

*Надоели дураки и подлюги,
натяну штаны, назову их — «брюки»,
и в охотку пройдусь перед сном
за таким же бродячим огнем.*

ОТСТУПЛЕНИЕ ВТОРОЕ

*Из архива КМЕТ — Комитета по метеоритам АН СССР.
Показания, собранные Л. А. Куликом до 1941 года*

Отрывок из письма начальника астрономического отряда главного геодезического управления С. Я. Белых.

«...Я не специалист по вопросам метеоритики и болотоведения, поэтому дать оценку всему, мною виденному, не могу. Мне хочется сказать и выразить только неисчезаемое впечатление, какое составляет район падения метеорита. В 40 километрах от центра падения попадает уже поваленный лес, а ближе к центру, километрах в 30–20 лес лежит уже почти весь. Остались на корню небольшие площади. Великаны деревья стройными рядами, как по линейке, чьей-то исполинской рукой уложены вершинами к югу и корнями к северу, к центру и от центра в разные стороны, в строго радиальном порядке такими же стройными рядами, независимо от склона гор».

Л. А. Кулик писал:

«Тунгус Лючеткан 16 апреля 1927 года сообщил мне, что весь ЦЕНТРАЛЬНЫЙ РАЙОН БУРЕЛОМА занимал перед этим событием под выпас оленей его сват, тунгус Василий Ильич, брат матери его первой жены. Это был богатый тунгус: он насчитывал до полутора тысяч оленей, имел в этом районе много лабазов, в которых хранил одежду, посуду, оленье снаряжение и прочее. За исключением нескольких десятков ручных оленей, остальные ходили на воле в горах в районе реки Хушмо. Но налетел огонь и повалил лес; олени и лабазы погибли. Потом тунгусы ходили на поиски. От иных оленей нашли обгорелые туши, остальных не нашли вовсе. От лабазов не осталось ничего; все сгорело и расплавилось, одежда, утварь, оленье снаряжение, посуда и самовары; уцелевшими нашли только некоторые «котлы» (ведра). Все эти места известны братьям Василия Ильича — Буруча и Мугоча».

ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО

(получено автором этой повести в 1972 году)

«Я, Кондаков Алексей Андреевич, 1896 года рождения, наблюдал Тунгусский феномен на берегу реки Лены. Было это в яркий солнечный день, когда мы выехали на телеге в Горючую падь, чтобы рубить лес на избу. В небе увидели летящий клуб, размером в самолет, который светил так, что не было видно солнца. Через минуту после того, как эта штука ухнула за Подосиновый ручей у Подкаменного утеса, последовало три взрыва. Первый был самый сильный. Затем, когда я побежал туда, где бабахнуло, то по дороге меня будто кто-то потрепал за ухо. Я схватился за мочку и почувствовал, что там сходит кожа. Отчего бы это, если меня ничего не обожгло? Я присмотрелся и увидел, как в сторону, к кустам багульника, скользит небольшая шаровая молния, размером с детский кулак. Шаровая молния! В ясный летний день, не предвещающий грозу! И какая? Тепла человеческого — искрящая, совсем не горячая, ничуть не обжигающая! Было чему удивиться. Ну я и махнул

за шаровой молнией к кустам багульника. Гляжу, а оттуда выскользнула еще одна и, соединившись с первой в одно целое, поспешно удалилась прочь по направлению к реке. Вот какое диво!»

Высокая трава, разросшиеся кусты, нарождающаяся луна.

Шаровая молния змейсто потекла вдоль тропы к мельнице старого Карла, прадеда Надюши. И скрылась между деревьев. Там, вдали, у древних мостков над высохшей протокой, слышалось постанывание бубна вперемежку с ритмичными ударами ладони по натянутой коже.

— Шаманская какофония, — подмигнул мне Ливик Генделист.

— Камлание! — сказал Асук.

В мозгу прокрутилось: шаман в поисках «момента одиночества» удаляется на месяц в зимовье, столь маленькое по размеру, где даже лечь в полный рост там невозможно. Не ест, не пьет — молится. И верит, что в него на этот период вселяется дух предков.

Главный его атрибут — это бубен. Белая кожа на нем — образное воспроизведение шаровой молнии, но особой, из необжигающего огня, чудесным образом возникающего только в Иерусалиме, только на православную Пасху и только в Храме Гроба Господня. Бубен сделан в виде круга, но означает не круг, а ноль. Ноль — это ничто. Однако пририсуйте его к любой цифре, и из ничего сразу же родится величина — 10, 100, 1000. Человек — это цифра. Но какая? Казалось бы, непознанная. Но это для непосвященных. Те же, кто владеет ивритом — языком, на котором каждая буква имеет свой цифровой номинал, разом определяют математическую сумму имени-фамилии и вычислят ее энергетическую сущность.

Шаман пробует звучание бубна в ритмике своего напева, пока не погружается в транс, на его языке — камлание. Водка используется им для приношения, чтобы убажить духов. Но распыляется не на ветер, а находит прямую дорогу в желудок, так как именно там, во внутренних областях человека, и обитают жаждущие алкогольного согрева души.

В результате повторяющихся камланий шаман настолько привыкает умирать, что распоститься с жизнью по-настоящему, когда приходит срок, не может. Но только до тех пор, пока не передаст свой дар наследнику. Кто им окажется? Не обязательно родственник. Духовным сыном способен стать и совсем посторонний человек, однако обладающий схожей энергетикой.

Из нашей компании, подумал я, схожей энергетикой мог обладать разве что Ливик Генделист. Как-никак, но в него прямо здесь, в этом поселке, некогда вселялась душа тунгуски Юши, утопленной в протоке. Сегодня, глядя на него, трудно было представить себе, что этот затяжелевший от возраста владелец судов-пароходов способен к столь невероятным манипуляциям со своим организмом. К пьяным, вполне объяснимым вывертам — да, а к непознанным вывертам психики — нет. Хотя... какого черта он прихватил с собой гитару? Тимоша, понятно, взял охотничье ружье. Асук, тоже вполне понятно, позаимствовал бутылку водки. А он — гитару. И держит ее по-партизански у бедра, стволом-грифом вперед.

Отнюдь не скорым поездом до меня дошло: и Ливика донимают страхи памяти, боится, что опять заговорит голосом тунгуски Юши, либо она настолько парализует его сознание, что не выберется потом из лабиринта. Вот и пощупывает струны, подкладываясь под ритм шамановых песнопений, чтобы не вылететь из

реальности в запредельную тьмутаракань. И сам напевает под нос, тревожно поглядывая на меня:

*Искусству верная сестра,
надежда в мрачном подземелье
меня морочит до утра
болезной думкой о похмелье.
Сижу один, уткнувшись в стенку,
а мысли плавают кругом:
как мне бы отловить «нетленку»
и не попасть притом в дурдом?*

Асук погрозил ему кулаком:

— Тише! Батяню выведешь из камлания — всем хуже будет.

Мы выбрались к почернелым от времени мосткам, подле которых стоял деревянный кубарь — киоск не киоск, нужник не нужник, но нечто подобное: архитектура в стиле барака. В проеме двери на корточках подрагивала какая-то черная птица с медвежьей мордой, журавлиные крылья свисали с плеч до пола. У груди — бубен, между ног — почти опорожненная бутылка водки. Три ритмичных удара по натянутой коже древнего инструмента, один глоток из горлышка. И песнопение.

— Сейчас допьет и очнется, — опасливо подсказал мне Тимоша, взводя курки двустволки. — Придется глушить, а то — буйный.

— Не очнется! — мотнул головой Асук, подобрался к ритуальному кубарю, аккуратно подменил бутылку водки и вернулся довольный: — Баш на баш — не продашь!

— Теперь у него опять под пробочку, — хмыкнул Ливик.

— Будет считать — нашаманил, — пояснил Тимоша.

— Везет же людям! Думают, что чудеса творят собственными руками.

— А ты смотри, смотри. Будут тебе и чудеса.

— Ну и театр для любителей экзотики.

— Сюда мы и туристов водим, чтобы копейку срубить, — прихвастнул Асук.

— Мы — туристы?

Ливик сделал вид, что обиделся.

— Вам бесплатно. Обстоятельства крепчают, обстановка поучает.

Тимоша дал понять, что мы не туристы.

Мы и постарались.

Крадучись приблизились к будке, заглянули в незрячие «медвежьи» глаза Арсения. Пустота и лунная оморочь.

Заглянули в его хриплую «медвежью» пасть. Мешочек. В нем, как помнится, алмазы, что «скушал медведь». Но мешочек был пуст.

Арсений-шаман положил бубен на колени, изрядно глотнул из дарованной стеклянной емкости, вынул из потайного кармашка на журавлином крыле два камня и зажал их в кулаках. Не прошло и минуты, как руки его стали светиться.

— Назад! Назад! — позвал нас Тимоша.

— Скорее! — крикнул Асук. — А то унесет с собой!

Что делать?

Делать было нечего.

Побежали.

Когда оглянулись, Арсения в кубаре уже не было.

А что было?

Была та самая шаровая молния, которая недавно ускользнула от нас между деревьев. На этот раз ей тоже не сиделось на месте. Покачалась под потолком

хибарки, выплыла на мостки и, будто заманивая, медленно потащила по заросшей тропке.

Куда?

Опять-таки по прежнему маршруту — к мельнице старого Карла, оборудованной ныне под туристический ресторан «Ленский хлебосол».

5

У входа в ресторан швейцара не наблюдалось. Никто не потребовал от нас, чтобы мы были при галстуках, в белых рубашках и отглаженных брюках. «Входи, каким явился, даже если запылится!» — гласила табличка на входной двери, которая, кстати, была распахнута настежь гостеприимным официантом, будто в сие заведение ломилась загульная публика. На самом деле в ресторан никто особенно не ломился: кризис, денег нет и круизные теплоходы мало шастают по водным артериям Восточной Сибири. Правда, за одним из столиков у графинчика с целебным напитком «Самодур», смастеренным по рецепту дяди Кондака, и фирменной «рыбы под шубой» сидела подвыпившая парочка. В составе усатого мужчины лет пятидесяти и худощавой женщины в возрасте явно не восходящей звезды экрана — джинсовый костюмчик, беретик, очки в золоченой оправе на востроносом личике.

Признав в Тимоше хозяина этого заведения, дамочка подошла к нему:

— Маэстро, а где музыка? Подыщите нам песенное сопровождение, и я вам дам.

— В розницу не берем, — отшутился Тимоша.

— А я возьму, — выступил вперед Ливик.

— Фи! — скривилась красотка не первой свежести, сверху вниз взирая на моего малорослого друга.

— Нечего кривиться! Наукой доказано, я уже с Пушкиным вровень.

— По росту, — догадливо засмеялась незнакомка.

— Оки-доки! Метр пятьдесят семь, как одна копейка. Позвольте представиться, бард-импровизатор и композитор в придачу.

— А я Лира Недура.

— Это заметно.

Было ясно и невооруженным глазом, что такой реакции Лира ждала.

— К своему замечанию можете подверстать: редактор отдела поэзии журнала «Рупор признания».

— Да ну?! И кого вы печатаете? Других редакторов, которые печатают вас?

— Скажете...

— А меня напечатаете?

— Это когда попадете в первые ряды литературы.

Мы заняли другой столик, в центре небольшого, но вполне приличного зала, обработанного под старину, с мельничным жерновом, приставленным шершавым боком к стене.

Гитара наперевес, и Ливик медленно двинулся вдоль сцены, будто раздумывал, с какой песни начать. Потом резко, подобно Дину Риду — «красному Пресли» нашей молодости, — обернулся к зрителям и энергично прошелся по струнам. Возможность опубликоваться в литературном журнале придала ему — вечному внештатнику — вдохновения. И получилось неплохо, тем паче что винные пары привнесли в голос толику чарующей хрипоты а-ля Высоцкий.

*гоняю комаров
бросками кирпичей.*

*Сегодня я в тайге,
а завтра на Амуре.
Но сердце — в кулаке,
чтоб подарить Недуре.*

— О! — спонтанно вырвалось из женского горла.
Возглас восторга Ливик тут же подхватил и вставил в песню.

*О Лира, моя жизнь!
Тебя не обману я.
Танцуй со мной, кружись.
С июля до июня.*

— Пой, пташечка, пой, а я тебе дам.

*Согласен и в бреду,
И полон интересом,
чтобы в одном ряду
лежать мне с поэтессой.*

— Bravo!

— Тогда на брудершафт!

Мы сдвинули столы. И, предоставив любимцам муз возможность вдоволь нацеловаться, чтобы за рюмкой водки перейти на «ты», начали знакомиться. Выяснилось: редакционный дуэт из «Рупора признания» совершал творческую поездку — не путать с любовным променадом! — «по местам падения Тунгусского метеорита», как это и записано в дневнике их экспедиции.

— Собирались организовать к столетию со дня этого знаменательного события, — сказал ответственный секретарь журнала Никита Воеводин, смахивая с усов крошки хлеба. — Но то да се...

Ли́ра Недура прервала затяжной поцелуй с Ливиком, чтобы, хихикнув, вложить свои пять копеек в копилку общего душевного настроя.

— Кризис, безденежье, менопауза главного редактора, климакс, набегающий вместо порывов вдохновения, — выразительно повела глазами на своего спутника. — Вот и выбрались только сейчас. Конечно, исторически разницы никакой — год туда, год сюда, а следы от феномена все равно не иссякнут.

— По следам и стишки сочиняем? — любопытно спросил Ливик.

— Стихи не сочиняются, а рождаются! И говорят не о всякой всячине, а о самом болезном.

— Например? Я пришел к тебе с приветом, рассказать, что солнце встало...

— Это из архива старого импотента, — резко отреагировала Ли́ра Недура, усмотрев подковырку по отношению к ответсекретарю подотчетного ей «Рупора признания».

— Могу предложить другое.

Но не предложил. На сцене выявился Асук. И заученно провозгласил:

— Следующий номер нашей программы! Спешите видеть! Живая шаровая молния! Имейте в виду, последняя из живых! Из тех, что разлетелись из штурманской рубки Тунгусского метеорита при взрыве.

— Что за белиберда? — пробасил с места Никита Воеводин, не забыв в недо-вольстве своем налить и выпить.

Асук будто того и ждал. Он вынул из кармана лист бумаги.

— Вот глядите, — показал его залу. — Черным по белому написано: «Комитет по метеоритам». Грифа «совершенно секретно» нет в наличии. Значит, прочтем вслух. Слушайте! Тут о последствиях взрыва Тунгусского метеорита.

И принялся читать.

— Описывая Великую Котловину (Кулик был романтик и названия давал соответственно), он пишет: «В упомянутой котловине, в свою очередь, имеются холмы, хребты, отдельные вершины, равнинные тундры, болота, озера и ручьи. Еще недавно, по заверению местных жителей, здесь была типичная тайга. Теперь вся она... практически уничтожена...»

Асук сделал передышку, посмотрел на нас. Но вопросов не последовало, и он повел дальше заученное, имеющее какую-то скрытую цель чтение.

— В этой же экспедиции Кулик продолжает сбор показаний очевидцев, причем некоторые из них оказались весьма важными и часто используются. Так, очень важны показания крестьянина С. Б. Семенова, которые сообщил Л. А. Кулику брат С. Б. Семенова, Афанасий Семенов. В своем письме Л. А. Кулику в Ванавару от 26 марта 1927 года он писал:

«Спешу сообщить Вам показания Семена Борисовича. Дело было в 1908 году в июне месяце, часов в 8 утра, я в это время жил на Подкаменной Тунгуске, на фактории Ановара и занимался работой у своей избы. Сидел на крыльце. По направлению лицом на север. И в это время на северо-западе образовалось, в момент, огненное воспламенение. От него получился такой жар, что невозможно было сидеть, чуть-чуть не загорелась на мне рубашка. И такое раскаленное чудо, я заметил, что оно занимало пространство не менее 2-х верст» (Архив КМЕТ).

«К чему это все? — подумалось мне. — Люди выпить хотят, а он морочит им голову».

Но минуто спустя, когда Никита Воеводин начал допытываться у Тимоши, а нельзя ли приобрести эти документы, я догадался о тайной задумке доморощенных бизнесменов таежной глубинки. Ну и хитрецы! Торгуют ксерокопиями с архивных бумаг, утерянных здесь Ливиком Генделистом в далеком 1972 году, когда я на пару с ним вел собственное журналистское расследование давних событий. Тогда, помните, местные жители упирали на то, что огненный взрыв породил шаровые молнии, которые разыскивали одна другую по всей округе. И вот сейчас, вникая в смысл выступления Асука, я понял: к этой нелепице, укорененной в местный люд, и сведется его рассказ.

Так и получилось.

— По представлениям старожилов, наблюдающих появление шаровых молний после взрыва Тунгусского метеорита, — столь же заученно продолжил он, — мы приходим к закономерному выводу, что это не что иное, как несомненные живые существа. Хотите убедиться? Пожалуйста! Секретов от посетителей нашего ресторана не держим. — И артистически взмахнул руками: — Да будет тьма!

Скрытый рубильник отключили невидимые свидетели таинства, и, прорезая темноту яркими искрами, на подмостки выплыла шаровая молния.

— Космический гость, здравствуйте вам!

Тимоша поспешно разлил по рюмкам:

— За космического гостя! За космического гостя! — торопил всех чокнуться с ним.

Все и чокнулись, в прямом и переносном смысле. А когда выпили и вновь посмотрели на сцену, то увидели на ней — в поле яркого прожекторного пятна — покачивающегося на корточках черного птаха с медвежьей головой.

— Арсений!

Внятно ударил бубен. Раз-другой. Тихо прозвучали слова, услышанные при этом всеми:

— Время войны сменяется временем мира. Каждый, кто хочет узнать о своем будущем, пусть поднимет палец.

— Обмотанный денежкой, — уточнил Асук вслед за космическим гостем.

6

— Так и не романил ни с кем? — допытывалась за столиком Лира Недура у Ливика, игнорируя после очередного поцелуя на брудершафт зазывы шамана.

— Какие романы?

— А я думала: пороманил и книжку о том написал.

— Книжки пишутся по другому принципу.

— Плюнь на принципы! Напиши! И чтобы обязательно про любовь.

— Не подумав?

— А зачем думать? Любовь — штука бездумная. Нахлынет, и прощай разум.

— Это когда нахлынет. А вначале, пока не нахлынула? Нужно же какое-то начало.

— Ты пиши, а я тебе дам.

— Сначала напечатай! — пьяно настаивал Ливик.

— Это в зависимости от того, попадешь ли в первый ряд. Но у меня и писатели первого ряда по два года ждут своей очереди.

— Дался тебе этот ряд! Но не тужи — я попаду!

— Э-э, — икнула Лира Недура. — Бабушка гадала, да надвое сказала: то ли дождик, то ли снег, то ли будет, то ли нет.

— Бабушка-дедушка. Оки-доки! Тут у меня пророк под боком, а ты мне о бабушке. Ливик решительно поднялся, прихватив со стола початую бутылку.

— Эй, медвежья головушка, бабушка-дедушка! — шагнул к сцене. — Докладывай по назначению — какое у меня литературное будущее?

— А денежка? — встрял с наводящим вопросом Асук. Очень уж хорошо он смотрелся между будущим и настоящим, так и хотелось дать ему по физии.

Но Ливик по физии не двинул. А порылся в бумажнике и сказал:

— Вот тебе денежка. В валюте берешь либо рублями?

— Баш на баш — не продашь! И в валюте. И рублями. Но рублями больше.

— Принимай швартовый конец! — Ливик впихнул две сотенные в склонившуюся над ним медвежью пасть.

— Мало.

Ливик наколол еще одну сотенную на желтый медвежий клык. И повысил голос, чтобы не торговаться:

— Излагай, кто на вахте!

Асук толкнул шамана в плечо.

Арсений ударил в бубен, отхлебнул водки и с завываниями доложил:

— Друг мой ситный, жизнь имеет на тебя другие планы.

— Не вешай мне лапшу на уши! Тоже мне, пророк в своем отечестве. Излагай по существу. Примет она меня к печати или не примет?

— Недура, потому и примет. Но не напечатает.

— Чего так?

— Журнал к тому времени закроется, когда ты будешь с ней возлежать в первом ряду. И ей замуж понадобится, чтобы жить на зарплату... мужнину.

— Оки-доки! Ну и даешь!

— Не даю, а поддаю! — самодовольно заворчал Арсений-шаман, опять прикладываясь к горлышку.

Буль-буль.

Что-то булькнуло и в Ливике. Будто бы со словами о будущем ему передалась энергия обратного порядка — из прошлого, из 1972 года, когда в него вселялся дух тунгуски Юши.

Повело Ливика зигзагом — в сторону, в другую. Ни дать ни взять хмельной градус разом переборол человека и потянул, путая ориентацию, между столиков к прислоненному к стене жернову.

— Здесь! Здесь! — бормотал он, незряче ощупывая руками воздух.

Мигнув, стал раз за разом ослабевать свет прожектора. Полумгла поглотила шамана, породив вместо него опять шаровую молнию, которая осторожно спустилась с подмостков в зал и потекла к Ливику.

— Генератор заело! — чертыхнулся Тимоша, достал коробок спичек, подпалил страховочную свечу на столе, стоящую в фарфоровом бокальчике.

Тусклое освещение. Нервная напряженка. Потрескивание свечи. Бормотание Ливика.

И поразительное: шаровая молния, не обжигающая, подобная небесному огню из Храма Гроба Господня в Иерусалиме, подрагивая, замерла у кромки жернова. Не брызжет искрами, не взрывается — светит! Электрическая лампочка, да и только.

Впечатление, как в театре.

Вот-вот что-то случится.

Что?

Да то — самое главное, ради чего и пришли в театр, ради чего выстаивали в очереди за билетами, ради чего, может быть, и жили.

Чего ради Ливик вновь превратился в тунгуску Юшу? Чего ради сомнамбулически рассматривает жернов и шепчет-шепчет: «Здесь! Здесь!»

Что — «здесь»? Что в жернове искать? Камень и камень! Дырка посередине. В ней деревянная втулка, обложенная войлоком.

— Здесь! Здесь! Птица моя! Черный птах!

Я повернул лицо к Тимоше.

— Черный птах? А шаман?

— Обстоятельства крепчают, обстановка поучает. Он — притворный Черный птах, — пояснил сибиряк. — Арсений просто рядится под куклу из черного дерева своей бабушки Юши. Морду по своеволию приделал ей медвежью. А морда у куклы была птичья. Причем такой птицы, что у нас не водится. Так поговаривают.

— Кто?

— Старики, — сказал Тимоша. — По нашему поверью, тунгусы нашли Юшу вместе с этой куклой. Тогда, в 1908-м, в развале деревьев. Совсем малышка была, еле ходила. Случилось это вскоре после взрыва Тунгусского метеорита. А потом, когда чекисты искали на мельнице алмазы и ради дознания утопили Юшу, а старого Карла арестовали, куклу уже никто не видел. Пропала кукла. А в ней, поговаривают, космические секреты.

— От пришельцев? — заинтересовалась Лира Недура.

— Материал на первую полосу, — сказал Никита Воеводин, подливая всем водки.

— Покупайте! — не растерялся бизнесмен-таежник. — Уступлю за недорого да еще информацию подкину. Тунгуска Юша, поговаривают, вовсе и не земного рода. Космическая деваха, по прирожденной природе. Да запомнотавала по малолетству,

где родилась, с какой звезды пришла. Иногда заговаривалась и выкладывала что-то на незнакомом языке. Каком? Говорю же, незнакомом...

— Тут и русский язык многим незнаком, — прервала его Лира Недура. И смолкла, пораженная возгласом Ливика.

— Мацати! — кричал он. Кричал женским голосом, должно быть голосом Юши. Но не на космическом наречии кричал, как это могло показаться Лире Недуре. Вполне по-земному, вполне понятно. Но понятно разве что посвященному. Единственным посвященным в этой загульной компании был я, человек из Израиля. Ливик кричал на иврите, лично ему, латвийскому моряку, неизвестном: — Мацати! Нашел!

В руках он держал втулку от жернова. Однако если присмотреться, то и при тусклом освещении можно было различить: это кукла, вырезанная из черного дерева, голова птичья, на груди жемчужная бусина, крылья спущены к основанию — кругляку, который и представлялся втулкой от жернова.

«Схрон старого Карла, — понял я. — И как эта штука похожа на священного Ибиса, служившего символом Тота, бога мудрости и правосудия в Древнем Египте».

Ливик мало-помалу приходил в себя, с интересом разглядывая игрушку. Нажал на жемчужную бусину, и она плавно подалась на груди Черного птаха. Крылья Ибиса медленно, как на шарнирах, приподнялись. Из-под них выплыли такие же шаровые молнии из необжигающего огня, как и та, что висела над жерновом. Секунда, и они слились в одно целое, превратившись в диск солнца. Ослепительный свет озарил мельницу. И каждому почудилось, что именно этот, невероятной силы свет пролился здесь, когда наши предки тридцатого (семнадцатого) июня 1908 года наблюдали Тунгусский феномен — одновременное прохождение по небу двух космических объектов.

«Одни свидетели утверждали, что летело продолговатое тело, похожее на бочку. По их версии, оно летело с юга, — вспомнились мне слова доктора астрофизики и писателя-фантаста Павла Амнуэля, сказанные семнадцатого июля 2009 года в моем авторском радиожурнале «Вечерний калейдоскоп» — радио «Голос Израиля» — «РЭКА». — Другие свидетели утверждали, что тело представляло собой яркий шар. И летело оно с востока. Ну а самое сложное в том, что те же свидетели говорили, что это тело меняло в полете направление. Это давало основание предположить, что перед нами космический корабль».

Можно добавить: сибиряки-таежники видели нечто вроде воздушного боя, когда самолет-перехватчик, в данном случае огненный шар, шел, меняя для верности направление, на таран с огромным метеоритом, чтобы спасти Землю от уничтожения.

